

А. В. Люликова

г. Ялта

КОНЦЕПТ ИДИЛЛИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ДИЛОГИИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

The article analyses the concept of the idyllic chronotope in I. Ilf and E. Petrov's novels „The Twelve Chairs” and „The Little Golden Calf” and reveals the ambivalent nature of the conceptual basis of the idyllic chronotope.

В статье рассматривается концепт идиллического хронотопа в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова „Двенадцать стульев” и „Золотой телёнок”, определяется амбивалентный характер концептуальной основы идиллического хронотопа.

У статті розглядається концепт ідилічного хронотопу в ділогії І. Ільфа та Є. Петрова „Дванадцять стульев” і „Золотий телёнок”, визначається амбівалентний характер концептуальної основи ідилічного хронотопу.

Созданная И. Ильфом и Е. Петровым художественная картина советской действительности 1920 1930-х годов уже на протяжении нескольких десятилетий продолжает оставаться предметом литературных дискуссий. Споры об эстетической и социальной значимости дилогии начались сразу же после того, как романы стали доступны советскому читателю. В 1930-е годы рецензенты и критики настаивали на том, что И. Ильф и Е. Петров „не взошли на высоту сатиры”, и что их дилогия представляет собой „неудачное подражание лучшим образцам классического сатирического романа” [цит. по: 9]. Эта мысль была опровергнута советскими литературоведами в 1950 1960-е годы. К. Симонов в предисловии к дилогии, вышедшей в 1956 году, писал о том, что „...книги Ильфа и Петрова не устарели и не утратили своей силы и прелести <...> они прошли проверку временем <...> их по-прежнему читают и любят” [4, с. 5]. Авторов дилогии К. Симонов характеризовал как „людей, глубоко веривших в победу светлого и разумного мира социализма над уродливым и дряхлым миром капитализма” [4, с. 5].

Во времена „послесталинского реабилитанса” – так Я. Лурье называет 1950 1960-е годы – в Советском Союзе появилось несколько монографий, посвящённых литературному наследию И. Ильфа и Е. Петрова – это работы А. Вулиса [2], Б. Галанова [3], а также Л. Яновской [8]. Основное внимание в данных монографиях уделяется историко-биографическому аспекту творчества И. Ильфа и Е. Петрова. Советские литературоведы называют И. Ильфа и Е. Петрова двумя талантливыми писателями, которые выступили „как социальные сатирики, обличая не столько нелепости внутри нас, сколько врагов социализма, больших и малых...” [8, с. 38 39]. При этом Л. Яновская подчёркивает, что

„ясность политических позиций” И. Ильфа и Е. Петрова „делала выразительней и чётче положительную идею романа”, которая выражается в „радостном торжестве над тёмными силами прошлого” [8, с. 39].

Попытки советских исследователей наделить романы И. Ильфа и Е. Петрова статусом „идеологически выдержанных” произведений современные исследователи связывают с общественно-политическим контекстом 1950 1960-х годов, когда „целенаправленно создавался миф о 1920-х и начале 1930-х <...> как эпохе расцвета, насильственно прерванной по злой сталинской воле” [9]. В этом вопросе точка зрения современных литературоведов противоположна взглядам советских исследователей. Так, М. Одесский и Д. Фельдман предлагают свои объяснения тому, с какими общественно-политическими событиями в стране следует связывать издание дилогии. По их мнению, появление в печати романов обусловлено конкретной политической прагматикой 1920 1930-х годов.

Мнения советских и российских учёных, как правило, расходятся в вопросе о социальной и художественной значимости данных сатирических произведений. Однако следует отметить, что единственным вопросом, по которому можно обнаружить относительно одинаковые суждения как со стороны советских, так и со стороны современных литературоведов является характерная для художественного мира романов романтизация концептов социализма на общем фоне изображаемых событий. Эта особенность романов обусловлена, главным образом, отношением самих авторов к социализму и к современной им действительности. Мысль о том, что И. Ильф и Е. Петров были гражданами своей страны и верили в её будущее, часто подчёркивалась в литературоведческих работах 1950 1960-х годов и продолжала оставаться на страницах большинства книг, издаваемых и в последующие десятилетия.

Признаваемая как советскими, так и современными литературоведами, эта особенность романов, для обозначения которой Ю. Щеглов использует выражение – „торжество эпики социализма” [7, с. 8], представляет особый интерес с точки зрения рассматриваемой нами темы. На основании наблюдений литературоведов, отмечающих, что в романах находит выражение не только пародирование, но и идеализация реалий советской действительности, мы можем говорить об амбивалентном характере концептов идиллического хронотопа. В этой связи актуальность приобретает вопрос, связанный с идентификацией категории идиллического хронотопа в сатирических произведениях И. Ильфа и Е. Петрова. Поэтому цель данной статьи заключается в том, чтобы определить своеобразие концептуальной основы идиллического хронотопа в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова „Двенадцать стульев” и „Золотой телёнок”. Цель этой работы связана с предположением о том, что героико-романтический тон, при помощи которого в дилогии изображаются культурные концепты социалистической действительности, противопоставлен общему пародийному характеру этих произведений. Возникающее при этом антиномическое сочетание идеализирующего и пародийного начал обуславливает, на наш взгляд, амбивалентный характер романного универсума И. Ильфа и Е. Петрова, в результате чего романы прочитываются одновременно

и „как документ идеализирующих, героико-романтических настроений тех лет, и как одна из наиболее едких сатир на миропорядок” [7, с. 7].

Идиллический хронотоп предполагает особый тип пространственно-временных отношений. Рассматривая художественное время и пространство в нескольких типах идиллий, М. Бахтин определяет особенности таких отношений, прежде всего, как „органическую прикреплённость, приращённость жизни и её событий к месту – к родной стране” [1, с. 368]. Локализованная в ограниченном пространстве жизнь создаёт характерную для идиллии циклическую ритмичность событий. Второй же особенностью является ограниченность идиллии только основными реальностями жизни, такими, например, как любовь, рождение, смерть, брак, труд. Третья особенность, по словам М. Бахтина, тесно связана с первой и выражается в „сочетании человеческой жизни с жизнью природы, [в] единстве их ритма” [1, с. 369].

В художественном мире романов ни одна из названных М. Бахтиным составляющих идиллии не представлена в чистом виде. Мы можем наблюдать лишь проникновение в некоторые эпизоды отдельных концептов идиллического комплекса, причём чаще всего в уже изменённом варианте. Процесс их трансформации связан, на наш взгляд, с функционированием в романном универсуме идиллических модификаций, детерминирующих возникновение особого типа идиллии, которая может быть обозначена как советская идиллия. В данном случае важно отметить, что понятие „советская идиллия” не является литературоведческим термином. Однако его использование в нашей работе обусловлено необходимостью определить концептуальную основу идиллического хронотопа. Поэтому под выражением „советская идиллия”, учитывая его абстрактный характер, мы будем понимать литературно-этикетную модель, которая сочетает в себе совокупность нравственно-поведенческих установок и отражает устройство жизни советского общества 1920 1930-х годов.

Одним из модифицированных концептов идиллического комплекса в романе „Двенадцать стульев” является спокойное и однообразное существование жителей уездного города N, которые „казалось <...> рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть” [5, с. 27]. Из приведённого примера видно, что цикличность жизненного ритма – как имманентный компонент идиллического хронотопа – представлена в романе в пафосно-пародийном стиле. Такой же характер присущ описанию „приятнейшей из улиц” уездного города N – улицы имени товарища Губернского, на которой „по левую руку <...> серебрились гробы похоронного бюро „Нимфа”, а справа „угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука...” [5, с. 27 28].

Урбанистический пейзаж уездного города N, описание быта и образа жизни его жителей свидетельствуют о монотонности и типичности всего здесь происходящего. Спокойствие провинциального советского города переносится и на размеренную тихую жизнь Ипполита Матвеевича Воробьянинова – на это указывает распорядок дня героя. Как известно, по утрам бывший предводитель дворянства выпивал „порцию горячего молока”, с девяти утра до пяти вечера с получасовым перерывом для завтрака Воробьянинов находился на службе в

загсе, где „ведал столом регистрации смертей и браков” [5, с. 28]. При этом „вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова”, в жизни советского служащего не было никаких потрясений, кроме чувства опасения протереть брюки, во избежание чего Воробьянинов пользовался синей войлочной подушкой, хранившейся в ящике его рабочего стола.

Такой же, лишённой каких-либо перемен была и жизнь остальных работников загса. В романе „Двенадцать стульев” в комическом тоне описан эпизод, повествующий о том, как внимание работников привлёк пересекавший Старопанскую площадь уисполкомовский автомобиль: „служащие долго ещё стояли у окна, комментируя происшествие и ставя его в связь с возможным сокращением штата” [5, с. 34].

Единство ритма города и жизни провинциальных жителей, а также типичность всего происходящего – это структурно-образующие компоненты идиллического хронотопа. Концептуальную основу идиллического хронотопа составляют те события, явления и предметы, которые подчёркивают жизненный ритм города. К таковым следует отнести уисполкомовский автомобиль, появление которого нарушает спокойное течение служебного дня, равнодушное отношение к пению петуха в кооперативе „Плуг и молот”, синюю войлочную подушку и стакан горячего молока. При помощи данных концептов в художественном мире романов актуализируется идея повторяемости и выражается свойственный идиллическому хронотопу циклический характер художественного времени.

Цикличность времени означает такую хронологическую организацию, при которой исключается возможность индивидуализации событий. Речь идёт о том, что последовательность однотипных событий приводит к возникновению цикла, в котором конец событийного ряда знаменует его начало и – наоборот. В этой связи эпизод, повествующий о смерти тёщи Воробьянинова, является композиционно-значимым по отношению к временной организации текста. Смерть мадам Петуховой изменяет жизненный ритм героев – Фёдора Вострикова, его жены Катерины Ивановны и, конечно же, Ипполита Матвеевича Воробьянинова. Бывший предводитель дворянства принимает решение уехать из уездного города N и оставить там „маленькие удобства и привычки, которые он с усилиями создал себе после революции” [5, с. 40]. События, происходящие с Воробьяниновым после его отъезда из города N, единичны и носят спонтанный характер – в этом отношении линейность последующих авантур противопоставлена цикличности событий, наблюдаемой при описании быта советской провинции.

Бытовые картины из жизни советского провинциального города указывают на однообразный характер всего происходящего и, как правило, становятся предметом сатирического изображения. Так, в романе „Золотой телёнок” при описании жизни ребусника Синицкого и его дочери Зоси заслуживает внимание эпизод, содержащий бытовую сцену: Зося Синицкая выходит на балкон, развешивает на „облупленных перилах” сырой купальный костюм и осматривает двор. Двор своего дома Зося видела уже много лет – это был „нищенский двор, где валялись разбитые ящики, бродили перепачканные углем коты и жестянщик

с громом чинил ведро” [6, с. 107]. О том, что этот двор хорошо знаком Зосе, свидетельствуют разговоры, которые девушка слышала в этом дворе не раз, и „котов она знала по имени, и жестянщик, как ей показалось, чинил это самое ведро уже много лет подряд” [6, с. 107]. Этот эпизод не просто запечатлевает бытовую сцену, но и обнаруживает её имплицитно-идиллическую природу.

На основании рассмотренных нами примеров советской идиллии можно говорить о том, что концептуальная основа идиллического хронотопа носит амбивалентный характер. Во-первых, события и явления из жизни провинциального города являются предметом сатирического изображения, во-вторых, – они могут выступать в роли идеализируемых реалий советской эпохи. Так, описание двора, в котором живёт ребусник Синицкий и его внучка Зося, прочитывается одновременно и как сатира, обличающая несовершенство и неустроенность быта, и как литературно-этикетная модель советской идиллии, изображающая монотонное существование жителей дома, включая и самого старика Синицкого с его единственной заботой о том, как сочинить ребус в соответствии со всеми идеологическими требованиями.

В романном универсуме И Ильфа и Е. Петрова концептуальная основа идиллического хронотопа репрезентирует картину советской действительности 1920 1930-х годов. Речь идёт о том, что концепты указывают на определённый признак общественно-политической жизни и культурных тенденций советской эпохи. Концепты, отражающие бытовую сторону жизни, носят сатирический характер, либо вообще приближены к пародии как, например, в случае с „Геркулесом”, представляющим собой пародию на советское учреждение; идеологические же концепты, наоборот, изображены в героико-романтическом ключе. Так, антиномия пародийного и идеализирующего начал находит выражение в описаниях полёта Севрюгова, с одной стороны, и возникших из-за его длительного отсутствия разногласий между жителями „Вороньей слободки” – с другой. В романе „Золотой телёнок” полёт Севрюгова символизирует одно из крупнейших достижений советской эпохи – полёт человека за Полярный круг. В то время как за полётом Севрюгова следил весь мир, и имя его „произносилось на трёхстах двадцати языках и наречиях” [6, с. 148], обитателей „Вороньей слободки” волновала лишь возможность получить дополнительную жилую площадь. Важно отметить, что как идеализируемый концепт – полёт Севрюгова над Арктикой, так и авторское обличение „сутяжничества” в „Вороньей слободке” представляют собой реалии, посредством которых создаётся картина советской действительности 1920 1930-х годов.

В романе „Золотой телёнок” в большей степени, чем в романе „Двенадцать стульев”, проявляется романтическое начало идеологических концептов, таких, например, как труд, советский гражданин и общество в целом.

С этой точки зрения интересен один из финальных эпизодов романа „Золотой телёнок”, в котором актуализируется мысль об идеальном советском обществе. Когда Остап Бендер познакомился в международном вагоне со студентами политехникума, возвращавшимися с заводской практики в Черноморск, герой „признался себе, что в свои двадцать лет он был гораздо разностороннее и хуже”: „Чему так радуется эта толстомордая юность <...>

честное слово, я начинаю завидовать” [6, с. 365]. Молодым людям доставляли радость и роскошь международного вагона, и девять стаканов чая, которые вместе с сухарями принёс им бесплатно проводник. Великий комбинатор, у которого в чемодане лежал без малого миллион, чувствовал себя одиноко в обществе этих советских студентов, веривших в то, что на стипендию в семьдесят пять рублей модно жить „как бог” [6, с. 366].

Если концепты, отражающие быт советских граждан, обуславливают циклическую модель художественного времени, то при помощи концептов идеологического содержания утверждается идея о гармоничной жизни советского коллектива в пределах своей страны. Частное лицо, кем и был великий комбинатор, не может получить разрешение в конторе на строительство дома и покупку всех необходимых стройматериалов. Только член профсоюза вправе рассчитывать на кружку пива в летнем кооперативном саду Арбатова или имеет возможность посетить столовую в Черноморске. И, наконец, только тому, кого уполномочил коллектив, индийский философ разъясняет „важный принципиальный вопрос насчёт смысла жизни” [6, с. 355]. Обед Зоси Синицкой и Перикла Фемиди в черноморской столовой представляет собой картину советской семейной идиллии, а носки с двойной пяткой, которые Зося подарила своему мужу, – „это не просто продукция какой-то кооперативной артели лжеинвалидов, а некий символ счастливого брака, узаконенного загсом” [6, с. 377].

Мысль о гармоничной жизни советского коллектива и противостоящего ему человека-индивида находит сатирическое отражение в девятой главе романа „Золотой телёнок”. И. Ильф и Е. Петров пишут о существовании двух миров: „в большом мире изобретён дизель-мотор, написаны „Мёртвые души”, построена Днепровская гидростанция и совершён перелёт вокруг света”. Людями из большого мира „двигает стремление облагодетельствовать человечество”. Обитатели маленького мира лишены „таких высоких материй” и имеют одно желание – „как-нибудь прожить, не испытывая чувство голода” [6, с. 104].

Возможность вести полноценный образ жизни – строить дом, останавливаться в гостинице, посещать театры и столовые – имеет только представитель коллектива или организации, за кого себя и выдавал великий комбинатор. Этим правилом руководствовался и черноморский миллионер – Александр Корейко, который хранил миллионы в чемодане, а сам жил на сорок шесть рублей в месяц, не ел, а „совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов” [6, с. 65]. Попытки Остапа Бендера воспользоваться полученными деньгами терпят неудачу, и тогда великий комбинатор понимает, что советского „единоличника-миллионера” не ожидают ни почёт, ни слава, ни уважение – всё это получает „инженер, или врач-общественник, или тенор, или писатель” [6, с. 349].

Таким образом, анализ концептуальной основы идиллического хронотопа позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, важно отметить, что структурообразующие компоненты советской идиллии – такие, как единство жизненного ритма человека и окружающей его среды, цикличность временной организации, а также прикреплённость жизни и событий к определённым месту

– в художественном мире романов составляют концептуальную основу идиллического хронотопа. Концепты идеологического содержания, включая и такие, при помощи которых изображаются основные достижения советского времени, противопоставлены концептам, отражающим бытовую сторону советской жизни. Основу обнаруженной нами антиномии обеспечивает амбивалентный характер поэтики романов, проявляющийся либо в идеализации, либо в пародировании реалий советской действительности.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Вулис А. З. И. Ильф и Е. Петров: очерк творчества / А. З. Вулис. – М. : Советский писатель, 1960. – 184 с.
3. Галанов Б. Е. Илья Ильф и Евгений Петров. Жизнь. Творчество / Б. Е. Галанов. – М. : Сов. писатель, 1961. – 310 с.
4. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев: [роман] / И. А. Ильф, Е. П. Петров ; [предисл. К. Симонова]. – М.: Художественная литература, 1956. – 345 с.
5. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений : [в 5 т.] / И. А. Ильф, Е. П. Петров; [вступит. статья Д. Заславского]. – М. : Художественная литература, 1961.
6. Т. 1. – 1961. – 564 с.
7. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений : [в 5 т.] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – М. : Художественная литература, 1961.
8. Т. 2. – 1961. – 564 с.
9. Щеглов Ю. К. Романы И. Ильфа и Е. Петрова. Спутник читателя / Ю. К. Щеглов. – Wien, 1991. – 578 с.
10. Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе / Л. М. Яновская. – [2-е изд., доп.]. – М. : Наука, 1969. – 216 с. – (Научно-популярная серия).
11. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев / И. А. Ильф, Е. П. Петров ; [предисл. и коммент. М. Одесского и Д. Фельдмана]. – Режим доступа : <http://lib.ru/ILFPETROV/dwenadcatx.txt#IV-13>.

Надійшла до редколегії 11.05.10